

реніем етатизма поднять спрос на издѣлія частнохозяйственнаго сектора.

Таким образом, за исключеніем сторонников либеральной (вѣрнѣе, «макиавеллистической») доктрины, почти всѣ руководящіе германскіе экономисты, удѣлившіе много вниманія проблемѣ структурных измѣненій в капитализмѣ, — доказали наличие эволюціи капиталистической системы в сторону «связаннаго» хозяйства и крушенія либеральной экономики в смыслѣ «свободнаго хозяйства».

Б. Ижболдин.

ТРЕТЬЯ РОССИЯ.

Орган пореволюціоннаго синтеза № 1. Париж. 1932.

Появленіе «Третьей Россіи» можно только привѣтствовать. К счастью, «Третья Россія» по своему содержанию не напоминает «Третьяго царства» нѣмецких націонал-соціалистов. Молодой журнал энергично отмежевывается от всякаго фашизма и опредѣленно становится на сторону «недемократіи». Если в журналѣ есть что от духа фашизма, то это его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только песущійся, но и заносчивый. Против всего этого ничего имѣть нельзя. Люди, вышедшіе из революціи, не могут, да, пожалуй, и не должны писать иначе.

Позиція журнала, и это отраднo, довольно сложна. Авторы знают, «что идеологія, преждевременно вынесенная на улицу, будет дискредитирована». Потому они далеки от эмигрантской игры в комсомол и от плакатнаго стиля младоросскаго мышленія. В этой серьезности чувствуется близость к Россіи. Этою же близостью объясняется и их демократизм. Против совѣтской власти они выдвигают прежде всего обвиненіе в расхищеніи человѣческой личности. «Нельзя создать новос, высшее общество, не создавая новаго, высшаго человѣка... Общество состоит из людей, а они (большевики) уродуют, кастрируют, морально убивают человѣка (стр. 10)... Нельзя увеличить сумму, сводя к нулю слагаемая, а они сводят человѣческую личность к нулю! «Как искренних демократов, нас, новгородцев, не может не радовать, что утвержденіе личности «Третья Россія» связывает с провозглашеніем таких старых требованій, как свобода совѣсти, слова, печати, собраній, союзов...» (стр. 25). Этим принципиальным утвержденіем вѣчных прав человѣка и гражданина «Третья Россія» выгодно отличается от других пореволюціонных теченій, начиная с евразійцев и кончая младороссами. Справедливость требует отмѣтить, что тѣ же ноты (хотя и не столь опредѣленныя), звучали и в «Утвержде-

них», к которым «Третья Россия» вообще весьма близка, по общему своему настроению.

Но авторы «Третьей России» не только демократы, они неodemократы и, как неodemократы, они народники-мессіанисты. Для них самих неodemократизм крѣпко связан с их народническим мессіанизмом. По существу же оба начала, конечно, отдѣлимы, по меньшей степени отличимы друг от друга. Остановимся сначала на принципах неodemократизма.

По мысли «Третьей России», неodemократы отличаются от просто демократов, например от р.-д., прежде всего тѣм, что им вполне ясно, что современному, западно-европейскому демократу ни демократія ни свободы от фашистски-коммунистическаго натиска не отстоять, если ему нечего будет отстаивать кромѣ свободы собраний, в которых ему не о чем говорить. Чувство духовно-культурнаго кризиса, не столько идеи демократіи, сколько духовно-душевнаго строя современнаго демократа в «Третьей России» очень сильно. Отсюда и забота о цѣлостном, синтетическом міросозерцаніи. Конечно, цѣлостнаго, соборнаго, да еще дѣйствительнаго міросозерцанія не выдумаешь. Является ли «народнический мессіанизм» «Третьей России» таким міросозерцаніем — вопрос весьма спорный. Но об этом ниже. Пока рѣчь идет не о том, какое міросозерцаніе окажется правильным, а о том, что без какаго бы то ни было міросозерцанія демократіи дальше жить нельзя. В этом смыслъ весьма показательны только что закончившіеся выборы нѣмецкаго президента. Натиск двуединаго красно-чернаго фашизма, правда, отбит, но предаваться ликованію демократіи не приходится. Во-первых, потому, что націонал-соціализм, у котораго за душою нѣтъ ни одной разумной и практически выполнимой политической мысли, вырос вдвое, — во-вторых, потому, что демократическій блок потерял, по сравненію с выборами в Рейхстаг, около трех милліонов голосов, и, наконец, (и это главное), потому, что дѣло демократіи выиграли демократы антидемократическаго міросозерцанія, если о таком возможно говорить. Выиграл вѣрующій протестант-консерватор Гинденбург и страстный патріот-католик Брюннинг. В чем дѣло: почему зрѣлой германской демократіи так трудно дается борьба с націонал-соціализмом? Отвѣтъ только один: потому что у націонал-соціалистов есть свой человекъ, рѣзко оформленный цѣлостным націонал-соціалистическим міросозерцаніем. Потому что на их страшных собраніях есть свой дух, потому что им удаются народныя празднества. Рядовая, старорежимная демократія всего этого не видит. Говоря о націонал-соціалистах, она все еще говорит о «бандах». За испростительную глупость этой примитивно-реакціонной соціологіи ей придется, быть может, очень дорого заплатить, если не выручит «неodemократія» германской пореволюціонной молодежи.

Спасеніе демократіи сейчас, дѣйствительно, только в новом че-

ловѣкъ и в новой вѣрѣ Авторы «Третьей Россіи» это прекрасно понимают, и в этом их большая заслуга.

С міросозерцательным максимализмом «Третья Россія» соединяет (особенно опредѣленно в статьѣ, присланной, согласно примѣчанію редакціи, из Россіи) тактической минимализм своих революціонных заданий.

Но сейчас важнѣе другой спор, спор о содержаніи того цѣлостнаго міросозерцанія, которое выдвигается народниками - мессіанистами. И тут они почти во всем правы. Правы в своем стремленіи религіозно укоренить свой культурно-философскій и социальнo-политическій синтез, правы в отрицаніи таких отживших антитез, как славянофилы и западники, правые и лѣвые, и во многом другом. В концѣ концов, у нас только одно, правда, весьма, существенное расхожденіе с «Третьей Россіей»: это весьма неясная ся религіозная позиція. «Третья Россія» выдвигает в качествѣ своего основного требованія «синтез традиціонной религіозности и ея революціоннаго отрицанія», но из всего, что она в дальнѣйшем пишет по религіозному вопросу, не выясняется, что же от «традиціонной религіозности» входит в ея синтез. О грѣхѣ и несостоятельности синодально - монархическаго православія спорить нам с «Третьей Россіей» не приходится. Не будем мы защищать и «бытового православія» евразійцев. Ясно и то, что новая эпоха потребует созданія новаго взаимоотношенія между христіанством и культурой, церковью и государством. Вѣчная истина христіанства постоянно обновляется в исторіи, все это очевидно. Но все это очевидно только в кругу тѣх, кто, говоря о религіи, говорит о христіанствѣ. Горячо, но не совсѣм внятнo написанная статья Баранецкаго «В поисках новаго міросозерцанія» оставляет вопрос о взаимоотношеніи его религіи и христіанства, по крайней мѣрѣ, открытым. Тѣ требованія, которыя Баранецкій предъявляет к новой религіи, считая их, очевидно, не осуществимыми в предѣлах христіанства, на самом дѣлѣ христіанством никогда не отрицались. Баранецкій смотрит на христіанство не то как толстовец, не то как личшеанец, и поэтому сущности христіанства не видит. Смысл христіанства, конечно, не в отрицаніи матерін, как думает Баранецкій, а в ея преображеніи. Преображеніе міра есть основное заданіе христіанства. Противопологать христіанство религіозному историзму не вѣрно, ибо в основѣ почти всѣх историко-философских концепцій лежит, как извѣстно, христіанское пониманіе исторіи. Все это вопросы весьма трудные и, главное, вопросы, над которыми человечество уже так много думало, что вряд ли правильно касаться их так бѣгло и вскользь, как это дѣлает «Третья Россія». Будем надѣяться, что только краткость статьи Баранецкаго повинна в том, что проповѣдуемая им религія становящагося Бога (титаническое міросозерцаніе!), мѣстами неприятно напоминает не то бунтарство Андреевскаго «Саввы», не то Горьковское: «человѣкъ — это звучит гордо». Баранецкій так и пишет: «Свобода — атрибут вели-

чія челоуѣка, категория гордости его». Все это, конечно, не так. И Бог, хотя бы и становящийся, — все-таки не Бунтарь; даже и не «трансцендентный Бунтарь» с большой буквы. Но дѣло не в недостатках міросозерцанія Барапецкаго. В концѣ концов они исправимы. Дѣло совѣм в другом.

Дѣло в том, что ни на каком философском, хотя бы и философски-религіозном міросозерцаніи, синтеза не построишь. Он или вообще не строим, или строим только на сверх-философской и сверх-индивидуальной религіозной основѣ. Человѣчество переживает сейчас не только кризис матеріализма, но и болѣе острый кризис идеализма. Осознаніе этого кризиса ведет или к нигилизму и отчаянію, или к утверженію мистически-исторической реальности христіанства.

Ф. Степун.

ВОЙНА С ВОСТОКА

Давно уже міровой воздух не был в такой степени насыщен грозой, как в эти дни. Двухлѣтній хозяйственный кризис еще не изжит, ему не видно конца, а перед міром встает уже новая опасность — войны. В Китаѣ война, никѣм не объявленная, уже свирѣпствует — в то время, как в Женевѣ бессильно и безвольно заступают Лига Націй и Конференція о разоруженіи, подчеркивая своей беспомощностью развал Европы. Совершенно очевидно, что паралич Европы является причиной дальне-восточной войны, ибо холодно обдуманное, лишенное всяких внѣшних поводов нападеніе Японіи на Китай явно использует благоприятный — для Японіи — момент всеобщаго мірового хаоса. Никто, кромѣ Америки, не смѣет вмѣшаться в дѣла Китая, Лига Націй — націй, недавно объявивших войну недопустимым средством національной политики (пакт Келлога) — должна смотрѣть, как один из его членов подвергается откровенно-хищническому нападенію, экспроприациі, оккупациі со стороны другого. Бессиліе, как и бѣдность, не порок. Бессиліе Лиги Націй прекратить войну и возстановить справедливость не так подрывает уваженіе к ней, как усилія соблюсти arrangements, и сохранить иллюзію международной судебной тяжбы. Недавно в Женевѣ, на конференціи по разоруженію прозвучали очень сильныя и смѣлыя слова: Гендерсона, Вандервельде, и других. Но Лига Націй, возглавленная сейчас П. Бонкуром (вчерашній социалист), и Друммондом, жредпочла шуть лицемѣрія, набрасывая покров вѣжливых и пустых формул на льющуюся кровь. Китай этого не забудет. Единенію народов міра нанесен жестокий удар — не только из Токио, но и из Женевы.